

ВОСТОК — ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

НЕФТЬ И ОХЛАЖДЕНИЕ СОВЕТСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РАННЕМ ЭТАПЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» 40—50 ГГ. XX В.

А.А. Кочешков

Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока
Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, Россия, 125009

В статье рассматривается роль нефтяного фактора в советско-иранских отношениях в 40—50 гг. XX в. на раннем этапе «холодной войны» и накануне национализации нефтяной промышленности в Иране под руководством М. Мосаддыка.

Ключевые слова: «холодная война», советско-иранские отношения, М. Мосаддык, нефтяная промышленность, Иран.

Вопрос о роли нефти в советско-иранских отношениях является одной из наименее изученных тем в отечественном востоковедении. Долгое время объективному изучению этого вопроса мешали политические факторы и идеологические предпочтения. Особую сложность для историков представляло и то обстоятельство, что СССР и Иран долгое время находились на разных полюсах глобального противостояния, получившего с легкой руки публицистов название «холодная война».

Вторая мировая война открыла новую страницу в истории нефтедобычи. В начале XX в. топливо на основе нефти постепенно заменило уголь для флота. С развитием автомобилестроения и авиации нефть стала важнейшим стратегическим ресурсом для ведения войны на суше и в воздухе. В ходе военных действий целями ударов становились не только промышленные и аграрные районы, но и важнейшие нефтепромыслы. Таким образом, доступ к нефти стал определять ход войны, а также стратегическое преимущество.

В задачу данной статьи входит изучение вопроса о роли нефтяного фактора в ухудшении отношений между СССР и Ираном на заключительном этапе Второй мировой войны и в последующие 10 лет. Как известно, в этот момент начался период противоречий в лагере союзников по антигитлеровской коалиции, впоследствии вылившийся в противостояние двух военно-политических блоков. Ми-

ровой конфликт СССР и стран Запада (в первую очередь США и Великобритании) определил характер международных отношений на протяжении всего XX в. Ввиду того что хронология «холодной войны» до сих пор четко не определена, мы позволим предположить, что применительно к Ирану ее ранним этапом являются 1944—1956 гг., от начала первого нефтяного кризиса до визита иранского шаха Мохаммад-Резы Пехлеви в СССР.

Для работы над данной темой автор использовал рассекреченные и открытые документы Архива внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ) из фондов референтуры по Ирану, посольства СССР в этой стране и материалы ТАСС. Часть рассмотренных материалов ранее не публиковалась.

Как было отмечено выше, в советской и российской историографии непосредственно тема иранской нефти изучена недостаточно подробно. Из-за политических предпочтений советские ученые-иранисты обходили стороной непосредственно вопрос о советско-иранском нефтяном сотрудничестве, обращая внимание в основном на двусторонние политические отношения и проблемы национализации иранской нефти в начале 50-х гг. XX в. В качестве примера можно привести монографию Е.А. Орлова (1). Автор, благодаря своему дипломатическому опыту, сумел раскрыть многие вопросы советско-иранского конфликта. В 1985 г. было опубликовано исследование С.М. Алиева (2), которое явилось первым в отечественной иранистике исследованием об иранской нефти.

В 90-е гг. свет увидела хорошо документированная статья Н.И. Егоровой (3). Автор впервые изучил малоизвестные подробности отношений ВКП(б) и иранской партии Туде в 40-е гг. В начале XXI в. азербайджанский исследователь Джамиль Гасанлы по результатам своей работы в закрытых архивах Республики Азербайджан опубликовал монографии по истории советско-иранских и советско-турецких отношений (4). В 2001 г. в сборнике «Иран: ислам и власть» была опубликована статья З.А. Арабаджяна, посвященная международному аспекту вывода советских войск из Ирана (5).

Большое значение для исследования советско-иранских отношений и политики США в отношении Ирана имеют документы серии «Внешние сношения США» (Department of State. Foreign Relations of the United States. Washington). За рубежом ученые проявили к «иранскому кризису» несравненно больший интерес (6). Однако западная историография также находилась под сильным влиянием политических предпочтений (7). Особенно следует выделить англоязычных авторов иранского происхождения (8). Впоследствии появилось несравненно больше беспристрастных работ, среди которых особо хочется выделить монографии Б. Канинхольма (*Kuninholm B.R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great Powers Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey and Greece. — New York, 1980*) и профессора Дж. Билла (*Bill James. The Eagle and the Lion. The Tragedy of American-Iranian Relations. — London, 1988*).

В 90-е гг. была опубликована монография Дэниела Ергина, посвященная всемирной истории нефтедобычи (*Yergin Daniel. The Prize. The Epic Quest for Oil, Money, and Power. — New York, 1991*). Автору удалось сделать небезыңтересные выводы о роли нефтяного фактора в истории международных отношений. Боль-

шой интерес представляет второй том «Истории „Бритиш петролеум“», заказанной руководством этой нефтяной компании (*Bamberg J.H. The History of the British Petroleum Company. Volume 2. The Anglo-Iranian Years. — Cambridge, 1994*). Автор исследования профессор Дж. Бэмберг ввел в научный оборот уникальные материалы закрытых архивов компании «Бритиш Петролеум».

Из иранских авторов стоит особо отметить Мустафу Фатеха, бывшего высокопоставленного служащего Англо-иранской нефтяной компании (АИНК), и иранского министра финансов Хасана Пирния. Они были очевидцами событий и привели в своих исследованиях мемуарного характера (9) богатый фактологический материал.

Иран, бюджет которого во многом зависит от нефти, до 1951 г. не имел собственной нефтедобычи. Основанная на концессии австралийца Уильяма Нокса д'Арси, АИНК (10) контролировала все южные месторождения страны. По условиям договора 1933 г. АИНК выплачивала Тегерану скудные роялти (около 2% от чистой прибыли) и снабжала Иран нефтепродуктами со скидкой в 10%. Концессия предусматривала, что вся территория Ирана, кроме пяти северных провинций (Азербайджан, Мазендаран, Гилян, Астрабад и Хорасан), могла использоваться АИНК. Большая часть акций компании принадлежала британскому правительству. АИНК являлась основным поставщиком нефти и нефтепродуктов для Великобритании, главным рычагом политического давления на иранское правительство, крупнейшей, одной из самых эффективных и прибыльных нефтяных компаний в мире.

Инфраструктура АИНК на юге страны, включая самый крупный в мире нефтеналивной порт Абадана, нефтеперегонные заводы и месторождения, существовала независимо от иранской экономики. Руководство компании оказывало влияние на административную политику Тегерана, выплачивала щедрое содержание кочевым племенам, ответственным за охрану нефтепроводов. Несмотря на то что заработная плата иранского рабочего на предприятиях АИНК была несравненно выше дохода мелкого крестьянина, в целом рабочие проявляли недовольство своим положением, заработком и условиями работы.

Иранская интеллигенция и политические круги видели в АИНК символ «британского империализма» и инструмент британского влияния в Иране. В народе зрело недовольство независимым положением АИНК. Сам Реза-шах Пехлеви (11) со времен вступления на трон стремился пересмотреть условия концессии. Тем не менее АИНК при поддержке Лондона неоднократно удавалось защитить свои интересы в Иране.

Определенный интерес к иранской нефти демонстрировала и Российская империя. Министр финансов граф С.Ю. Витте некоторое время вынашивал планы проведения по территории Ирана трубопровода для вывоза бакинской нефти. Однако поражение России в русско-японской войне помешало этим планам (12). Подписание русско-английского договора 1907 г. о разделе Ирана на сферы влияния закрыло для России иранский юг. Для разведки углеводородных ресурсов северного Ирана некоторое время функционировало Русско-персидское нефтяное товарищество («РуПенТ»). После революции в России в 1921 г. был заключен со-

ветско-иранский договор, согласно которому все бывшие российские концессии и имущество передавались Тегерану. Однако 13-я статья договора запрещала передачу концессий третьей державе, а 6-я статья на определенных условиях допускала ввод советских войск в северные провинции.

Политика СССР в 20—30-е гг. в отношении иранской нефти сводилась к тому, чтобы не допустить проникновения западного капитала в форме нефтяных концессий к Каспийскому побережью Ирана. Закрепление англичан или американцев на севере Ирана, по мнению советского руководства, могло создать серьезную опасность для бакинских нефтяных месторождений, единственного в то время поставщика нефти для советской экономики. Попытки АИНК и некоторых американских компаний («Стандард Ойл» и «Синклер Ойл») получить концессию на североиранскую нефть наталкивались на жесткое противодействие советского правительства, которое применяла 13-ю статью договора 1921 г. (13).

Для защиты Северного Ирана от западных компаний советское правительство применяло также и экономические рычаги. В 1926 г. на основе бывшей концессии российского подданного А.М. Хоштарии было учреждено советско-иранское нефтяное общество «Кевир-Хуриан». Общество с уставным капиталом в 5 млн иранских туманов полностью финансировалось советскими внешнеторговыми организациями. На деятельности «Кевир-Хуриан» сильное влияние оказал застой в ирано-советских отношениях в конце 30-х гг. Долгое время общество простаивало, так и не приступив к активной деятельности (14).

После нападения Германии на СССР, на основании 6-й статьи договора 1921 г., в северные провинции Ирана были введены советские войска. Одновременно с ними в Иран вошли подразделения английской армии. Реза-шах, установивший в стране авторитарный режим, отрекся от престола и умер в эмиграции. В Иране начался процесс политических перемен. Меджлис, важнейший институт иранской государственной власти, восстановил свои конституционные prerogatives и ограничивал власть наследника престола шаха Мохаммада Реза Пехлеви. Советские войска контролировали север Ирана. На юге страны находились британские войска и американские подразделения, обеспечивавшие поставки грузов ленд-лиз через территорию Ирана в СССР.

Во время Второй мировой войны значение средневосточной нефти только усилилось. В 40-е гг. каждая из 396 нефтяных скважин Среднего Востока давала 223 тыс. т нефти. Американский нефтяник Эверет Ли Де Гольер, посетивший в 1943 г. Саудовскую Аравию, писал: «Мировой центр притяжения производства нефти перемещается из Карибского бассейна на Ближний Восток, в район Персидского залива» (15). АИНК добывала 10 млн т нефти, что было в 2,5 раза больше, чем во всех остальных соседних нефтедобывающих странах (16).

В 1942 г. был заключен англо-ирано-советский договор, гарантировавший вывод войск союзников из Ирана через полгода после окончания войны. В ноябре 1943 г. в Тегеране прошла знаменитая Тегеранская конференция «большой тройки». И.В. Сталин, Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль подписали Декларацию Трех Держав, в которой подтвердили обязательство по выводу войск.

Советское руководство активно использовало контроль над Северным Ираном. При поддержке Москвы в провинции Азербайджан власть перешла к членам Азербайджанской демократической партии, выступавшей за широкую автономию от Тегерана. Азербайджанским демократам удалось оживить экономическую жизнь провинции, провести аграрную реформу, создать условия для культурного развития иранских азербайджанцев. Советские геологи в обстановке строгой секретности изучали полезные ископаемые Северного Ирана. Несмотря на то что широкие массы иранского населения в целом были недовольны присутствием иностранных войск, на севере страны советская политика пользовалась поддержкой.

В 1943 г. представители западных компаний снова заинтересовались иранской нефтью. Тегеран тайно посещали американские и английские нефтяники. Иранская пресса изредка публиковала информацию о секретных переговорах Тегерана о предоставлении нефтяных концессий на севере и юге Ирана. 19 июля в юмористическом журнале «Тоуфиг» появилась статья «Горе от нефти», автор которой сетовал на то, что к иранской нефти проявляют интерес иностранцы (17). «Это была энергичная американская интервенция... попытка США захватить иранский рынок... что превращало русских из союзников в горячей войне в противников в войне холодной» (18), — писал английский консул в Мешхеде Клэрмонт Скрайн.

Проникновение западных компаний в Иран, как и следовало ожидать, вызвало беспокойство Москвы. Не могло оно понравиться и самим иранцам. В беседе со Скрайном влиятельный иранский государственный деятель Али Мансур заявил: «Они (американцы — А.К.) думали, что русские будут сидеть смирно и позволят американцам захватить иранский рынок после войны?» (19). 31 августа 1944 г. СНК принял постановление о направлении в Иран правительственной комиссии во главе с заместителем наркома иностранных дел С.И. Кавтарадзе (20). Цель миссии заключалась в изучении состояния и перспектив деятельности «Кевир-Хуриан».

Важно отметить, что первоначально иранская сторона положительно отнеслась к визиту и сотрудничеству с Советским Союзом в области нефти. Иранский посол в Москве Маджид Ахи в беседе с Кавтарадзе сказал: «Ваша техника и наши природные богатства — вот как я мыслю пути прогресса для моей страны». Посол отметил, что настала, наконец, «пора закладывать более прочный фундамент экономических отношений между двумя странами» (21).

Прибыв в Иран и изучив состояние «Кевир-Хуриан», Кавтарадзе вручил Саеду ноту советского правительства с предложением «Концессионного договора» и протокола о намерениях создания советско-иранской нефтяной компании на базе предоставляемой североиранской концессии, где советская сторона получала бы 60% акций уставного капитала. В площадь концессии для этого предприятия включались Иранский Азербайджан, Гилян, Мазендаран, Горган и Астрабад (200 тысяч квадратных километров). Принципы советской концессии напоминали условия, на которых функционировала британская АИНК на юге Ирана (22).

Иранское правительство оказалось не готово к таким предложениям. Рассчитывая на поддержку США и Великобритании, Саед попытался вежливо отказать

Кавтарадзе, сославшись на трудности военного времени. Но советские представители не приняли иранскую аргументацию и предупредили, что отказ Тегерана обязательно скажется на развитии двусторонних отношений. Для пропагандистского обеспечения советской концессии были мобилизованы ресурсы партии Туде, которая стала агитировать за отставку Саеда. В результате 9 ноября он был вынужден покинуть свой пост.

США и Великобритания, имевшие собственные планы в отношении иранской нефти, поддержали официальный Тегеран. 1—2 ноября НКВД получил ноты посольств США и Великобритании в Москве. Советскому правительству предлагалось смириться с решением иранского правительства. В беседах с советскими дипломатами посол Ахи и даже сам шах осторожно намекали на то, что одной из главных причин отказа от предложения Кавтарадзе была жесткая позиция стран Запада (23).

Тем временем иранская пресса создала вокруг концессионного проекта Кавтарадзе отрицательный фон. Иранские правящие круги активно поддерживали мнение о том, что предложение Москвы носит агрессивный характер. Не в пользу предложения сыграл и учительский тон советских представителей. 2 декабря депутат меджлиса М. Мосаддык (24) внес законопроект о запрещении под угрозой тюремного заключения переговоров о нефтяных концессиях (25), который был принят большинством голосов. Сам Мосаддык заявлял, что идея предоставления нефтяной концессии по аналогии с концессией АИНК может «нанести вред» советско-иранским отношениям (26). Кавтарадзе созвал пресс-конференцию в посольстве СССР, на которой выразил недоумение действиями иранских парламентариев. Вскоре он покинул Тегеран.

Нефтяной закон 2 декабря сыграл важную роль в истории советско-иранских отношений. Несмотря на то что он был направлен также и против западных нефтяных компаний, это был удар по советским интересам. Остается открытым вопрос, какие цели преследовало советское руководство, направляя миссию Кавтарадзе в Иран. Советская историография обходила молчанием вопрос об этой миссии. Если стратегия Москвы заключалась в том, чтобы создать на севере Ирана такой же мощный бастион политико-экономического давления в регионе, каким была АИНК на юге страны, то она потерпела поражение. Так считало большинство иранских исследователей.

Однако если предположить, что советское руководство хотело жесткой дипломатией спровоцировать антиконцессионное движение в Иране, подорвать интересы нефтяных компаний в стране и, таким образом, не допустить западные державы на север Ирана, то здесь цель была достигнута. Такую точку зрения защищает Г. Ленчовский. В любом случае Кавтарадзе не понес никакого наказания за провал своей миссии, а, по некоторым данным, был даже награжден. Однако советско-иранские отношения, имевшие и без того много противоречий, ухудшились. Конфликт вокруг нефтяной концессии в Иране стал одним из первых разногласий между союзниками по антигитлеровской коалиции. Начали портиться и отношения СССР с западными союзниками. «Это было началом наших неприятностей с Советским Союзом не только в Иране, но и во всем мире» (27), — писал американский дипломат Ричард Фрай.

Кризис в советско-иранских отношениях, вызванный миссией Кавтарадзе, был только первой фазой конфронтации между Ираном и СССР. Ее продолжением стал так называемый «азербайджанский кризис» 1945—46 гг. После окончания Второй мировой войны доминантой советско-иранских отношений стали вопросы о выводе советских войск и национального движения в Иранском Азербайджане. По условиям договора 1942 г. и Декларации 1943 г. союзники обязались эвакуировать свои войска не позднее, чем через полгода после окончания военных действий. 19 мая 1945 г. иранский МИД обратился к СССР, Великобритании и США с просьбой досрочно выполнить взятые на себя обязательства. На Потсдамской конференции 21 июля англичане представили Меморандум о выводе своих войск. 23 июля о готовности вывести американские войска объявил президент США Г. Трумен. В ответ советское руководство подтвердило свои обязательства, но отложило этот процесс в виду обострения положения в Иранском Азербайджане. После капитуляции Японии предварительной датой вывода советских войск было определено 2 марта 1946 г.

Автономное образование на территории Иранского Азербайджана (Азербайджанская Демократическая Республика) пользовалось поддержкой руководителей Советского Азербайджана в лице М.Д. Багирова. У советского правительства не было единой позиции в отношении Иранского Азербайджана. НКВД выступал за осторожную политику, а представители руководства Советского Азербайджана энергично вмешивались во внутренние дела соседней страны. Официальные иранские власти расценивали деятельность азербайджанских демократов как вооруженный мятеж и попытку расчленения Ирана. Партия Туде рассматривала их как соперников. Неофициальная поддержка Москвой Азербайджанской Республики отрицательно сказывалась на восприятии советской внешней политики в иранском обществе.

У советского руководства, действительно, были серьезные планы в отношении Северного Ирана, в которых важная роль отводилась североиранским месторождениям. 21 июня 1945 г. Сталин подписал Постановление Государственного комитета обороны № 9168 «О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране». По мнению Гасанлы, с этого периода «борьба за нефть стала определяющей в политике СССР» (28). 19 ноября 1945 г. ситуация неожиданно обострилась. Иранские власти послали на подавление автономистов военный отряд, но он был блокирован советскими военными частями. Правительства США и Великобритании направили советскому руководству ноты с просьбой уважать суверенитет Ирана и ускорить вывод войск к 1 января 1946 г. Оживление интереса советского руководства к иранской нефти свидетельствует не только о его геополитической тактике сохранения за Северным Ираном статуса «заповедной зоны». Основываясь на архивных данных Дж. Гасанлы, можно сделать вывод, что советское правительство после неудачи миссии Кавтарадзе не оставило идею о североиранской нефти.

«Иранский вопрос» обсуждался на Совещании министров иностранных дел 16—26 декабря 1945 г. в Москве. Сталин в отношении вывода войск в беседе с госсекретарем США Джеймсом Бирнсом сказал следующее: «Нефтяные месторож-

дения Баку на юге России находятся близко к границе... Провокаторы могут быть направлены в Баку, чтобы поджечь их (нефтяные месторождения — А.К.)» (29). Бирнс не поверил или не захотел поверить в искренность опасений Сталина за судьбу бакинских месторождений. Однако советским дипломатам удалось настоять на том, чтобы «иранский вопрос» не был упомянут в коммюнике Московского совещания.

Тогда иранское правительство решило обратиться за помощью к «мировому сообществу». 19 января 1946 г. в своем письме на имя Генерального секретаря ООН глава иранской делегации заявил, что «вследствие вмешательства СССР, через посредство своих должностных лиц и вооруженных сил, во внутренние дела Ирана, возникла ситуация, которая может привести к международным трениям» (30). 30 января Совет безопасности единогласно принял подготовленную англичанами резолюцию, которая призывала стороны сесть за стол переговоров.

27 января при поддержке Мосаддыка премьер-министром Ирана был назначен Ахмад Кавам-ос-Салтане (31). Он считался демократически настроенным государственным деятелем, противником английского влияния. Кавам имел колоссальный опыт государственной службы. «...Дипломат старой школы, отлично владевший техникой политических комбинаций в духе восточных традиций» (32), — писал про него иранский историк.

19 февраля иранская делегация во главе с Кавамом прибыла в Москву для ведения переговоров об улучшении отношений. В повестке дня были вопросы о выводе войск и положение в Иранском Азербайджане. Неожиданно для иранцев советская сторона возвратилась к проблеме нефтяного сотрудничества. 25 февраля Каваму был передан меморандум, содержащий предложение СССР учредить совместное акционерное общество, 51% акций которого в первые 25 лет должны были принадлежать советской стороне, а 49% — Ирану. В противном случае предполагалось вернуться к предложению Кавтарадзе о нефтяной концессии (33). Относительно вывода войск Молотов заявил, что 2 марта Москва выведет военные подразделения только из некоторых районов Ирана, а остальная часть армии покинет страну только, когда стабилизируется положение в приграничных с СССР провинциях (34).

26 февраля Кавам направил свой меморандум, в котором потребовал скорейшего вывода советских войск с территории Ирана, но по поводу нефтяного общества дал уклончивый ответ. Подобная позиция не удовлетворила советское руководство. В ответном меморандуме 1 марта Каваму было указано на враждебную политику Ирана по отношению к СССР на Парижской мирной конференции в 1919 г., когда иранская делегация предъявила территориальные претензии на земли Советского Азербайджана, Армении и Туркменистана. «Все эти факты свидетельствуют о том, что правящие круги Ирана... готовы при случае нанести ущерб интересам СССР и создать угрозу нефтяным районам...» (35), — говорилось в меморандуме.

2 марта в день, когда ожидалось начало вывода советских войск, советские части, наоборот, выдвинулись к стратегически важным объектам на территории

страны. «Советская тяжелая техника в количестве 450 грузовиков 3 марта отбыла из Тебриза в направлении Тегерана. Двигавшиеся в этом же направлении 20 танков и 100 грузовиков достигли Бостанабада... Два дня назад разведка донесла о наличии советских кавалерийских частей на границе с Ираком и о 9 танках, двигавшихся к перекрестку дорог у Мараги» (36), — писал в Госдепартамент США из Тебриза консул Роберт Россю. В свою очередь, госсекретарь США Джеймс Бирнс собрал расширенное совещание и, указав на карте направления возможного движения советских войск к Турции, Ираку, Тегерану и Южному Ирану, заявил: «Теперь мы будем вынуждены отдать им обе нефтяные бочки» (37). Несомненно, американцы были обеспокоены за судьбу нефтяных месторождений Южного Ирана и Ирака. 4 марта и 8 марта советское правительство получило ноты протеста правительств США и Великобритании. «Именно 2 марта сотрудничеству трех великих держав был положен конец» (38), — утверждает Джамиль Гасанлы.

3 марта Кавам, протестуя против «оставления части советских войск в некоторых частях Ирана», сделал новое заявление, в котором согласился на создание советско-иранского нефтяного общества. Иранский премьер лукавил: по закону от 2 декабря 1944 г. он вообще не имел права вести переговоры о нефтяных концессиях, хотя и мог представить в парламент соответствующий отчет. Главной задачей Кавама было добиться вывода советских войск из Ирана.

В этот напряженный момент Кавам мог рассчитывать на помощь стран Запада. У. Черчилль 5 марта, в последний день визита иранской делегации в Москву, в г. Фултон произнес свою знаменитую речь. Характеризуя положение на Среднем Востоке, Черчилль сказал американской аудитории: «Турция и Персия глубоко обеспокоены и озабочены по поводу претензий, которые к ним предъявляются, и того давления, которому они подвергаются со стороны правительства Москвы» (39).

Тем временем иранская делегация в ООН не отзывала свою жалобу из Совета Безопасности. В этом иранскую делегацию активно поддерживали западные дипломаты. 4 марта в Москве во время встречи Кавама с временным поверенным США Дж. Кеннаном иранскому премьеру ясно дали понять, что «если этот вопрос будет поднят Ираном или другой страной перед Советом Безопасности, то Соединенные Штаты пойдут до конца в деле решения этой проблемы» (40). Сам Кавам, вернувшийся в Тегеран 10 марта, был не против отсрочки обсуждения, но его в резкой форме переубедил посол США Мюррей. 18 марта представитель Ирана Хоссейн Ала повторно сделал заявление, в котором обвинил СССР в задержке с выводом войск. 21 марта президент США Трумен заявил о твердом намерении США рассмотреть «иранский вопрос» в ООН. Однако советскому представителю А.А. Громыко все же удалось отложить обсуждение «иранского вопроса», сославшись на то, что переговоры близки к завершению и «оставалось урегулировать лишь вопросы деталей» (41). Таким образом, советская сторона находилась в постоянном напряжении, а международное общественное мнение настраивалось против СССР. 24 марта советское правительство приняло решение о выводе войск в полуторамесячный срок.

4 апреля между Кавамом и новым советским послом И.В. Садчиковым было заключено нефтяное соглашение, в будущем получившее название «договор Садчиков—Кавам». Его условия основывались на требованиях советского правительства, высказанных Каваму в Москве (42). Иранский премьер обязался представить нефтяной законопроект в меджлис не позже, чем через семь месяцев, начиная с 24 марта — даты начала вывода советских войск. Полностью советские вооруженные силы покинули Иран 9 мая 1946 г. (43). В качестве жеста доброй воли Кавам арестовал некоторых наиболее одиозных политических деятелей, настроенных против СССР (44), впоследствии он ввел в свой кабинет трех членов партии Туде. Ирано-советские отношения несколько улучшились.

В научных кругах не стихают споры о том, что заставило советское руководство отступить от прежней позиции и согласиться на окончательный вывод войск из Ирана. Традиционная точка зрения на Западе состоит в том, что имел место ультиматум Трумена Сталину 21 или 23 марта. Сам Трумен косвенно подтвердил эту версию и даже писал в своих мемуарах: «Когда Сталин отказался вывести войска в установленное время, я известил его, что в противном случае сам приплыву в Персидский залив» (45). Вслед за президентом версию о «жестком послании» взяли на вооружение практически все американские историки, включая исследователей иранского происхождения. Об ультиматуме Трумена писал даже «патриарх» американской дипломатии Генри Киссинджер (46). Факт ультиматума президента США Сталину не ставится под сомнение и в современном Иране (47).

Между тем оригинальный текст послания до сих пор не найден (48). На наш взгляд, советское руководство не могло не отметить возрастающее давление со стороны США, в то время единственной ядерной державы. По сведениям В.О. Печатнова, приблизительно в это же время США решили сделать постоянным свое военное присутствие в Средиземном море и разработали первый план войны против СССР с применением атомного оружия (49).

По нашему мнению, для Москвы было также очень важно нефтяное соглашение с Ираном. Это понимали и сам Кавам, что подтверждает переписка американских дипломатов: «По мнению Кавама, нефть стала основной целью Советов в Иране. И если Советскому Союзу удастся осуществить свои планы и относительно Азербайджана, и относительно нефти, то так и будет. Однако если придется выбирать из двух одно, то Кавам уверен, что Советы вычеркнут Азербайджан» (50), — писал новый посол США Джордж Аллен в Вашингтон.

Сами азербайджанские демократы настороженно отнеслись к соглашению Москвы с Кавамом. Они предостерегали советских представителей: «...мы Вас предупреждаем о том, что обещания Кавам-ос-Салтане по вопросу дачи нефтяной концессии Советскому Союзу являются обманом» (51). Наоборот, руководство партии Туде, получившее места в правительстве, настаивало на продвижении нефтяного соглашения: «...Остается открытым вопрос о нефти, и он (Кавам — А.К.) единственный человек, связанный в этой части обязательством... нужно дать довести игру до конца, чтобы иметь возможность счет представить полностью и сразу» (52).

Для ратификации договора «Садчиков-Кавам» нужно было провести выборы в новый меджлис, которые затянулись из-за политических осложнений в Иране. 15 сентября на юге страны началось восстание кашкайских и бахтиарских племен против центрального правительства. Вожди кочевников требовали предоставления племенам таких же прав, что и у автономного Азербайджана, а также удаления из правительства членов Туде. Кавам умело использовал восстание для дискредитации союзников СССР.

В это же время Кавам сделал решительный шаг в своей внешней политике: от лавирования между великими державами к выбору основного геополитического союзника — США. В октябре Джеймс Бирнс дал указание о продаже Ирану оружия на сумму 10 млн долларов. При молчаливом согласии Кавама иранский шах отдал приказ о восстановлении порядка на всей территории Ирана. 11 декабря 1946 г. под предлогом обеспечения безопасности парламентских выборов на территорию Иранского Азербайджана и Курдистана были введены иранские войска. Азербайджанская Республика была упразднена. Решающую роль сыграли обученная американским генералом Норманном Шварцкопфом (53) жандармерия и собственно военная помощь США. Советский Союз направил иранскому правительству ноту протеста. 13 декабря на приеме у шаха Садчиков потребовал от шаха прекратить боевые действия на приграничной с СССР территории. В ответ шах протянул послу телеграмму о полной капитуляции автономистов.

Военная акция против Азербайджана имела и дипломатическое обеспечение. 4 декабря посол США Джордж Аллен сделал заявление, в котором разъяснил, что считает Азербайджан частью Ирана. Незадолго до этого он же сказал в интервью: «...Намерение иранского правительства направить силы безопасности во все части страны... для восстановления порядка в связи с выборами представляется мне нормальным и подходящим решением» (54). Президент Трумен поручил Госдепартаменту предупредить Россию о том, что правительство США не останется безучастным к какому-либо вмешательству в вопрос об Азербайджане (55). В то же время 5 декабря Хоссейн Ала по указанию Кавама информировал Совбез ООН о «наведении порядка в провинции Азербайджан для проведения выборов» (56).

После подавления автономии Иранского Азербайджана международная обстановка в мире кардинально изменилась. В августе 1946 г. на совещании у Трумена было принято решение противодействовать советскому «нажиму» не только политическими, но и военными методами. Весной 1947 г. Трумен обнародовал свою знаменитую доктрину, в которой предостерег СССР от вмешательства во внутренние дела «малых» государств (определив, таким образом, принцип вмешательства как исключительную привилегию США) и обещал поддержку Греции и Турции, правительства которых столкнулись с давлением Москвы по целому ряду вопросов. Хотя Иран в доктрине упомянут не был, иранские правящие круги восприняли ее как поддержку США. Тем более что в сентябре 1947 г. посол Аллен, выступая на конференции в американо-иранском культурном центре, изложил позицию США по вопросу об иранской нефти: «Ресурсы Персии принадлежат Персии. Персы могут быть уверены, что народ Соединенных Штатов полностью поддерживает их право сделать собственный выбор» (57). Это был знак для иранской

элиты, что США использует все свое влияние, чтобы не допустить образования смешанной нефтяной компании.

22 октября 1947 г. Кавам, наконец, сделал в новом меджлисе доклад о переговорах с СССР. По окончании слушаний парламентарии проголосовали за так называемую «единую статью», объявлявшую нефтяное соглашение «не имеющим силы и недействительным» (58). Таким образом, замысел Кавама был полностью реализован: советские войска покинули Иран, целостность страны была восстановлена, а нефтяной договор не ратифицирован.

Примечательно, что один из пунктов «единой статьи» поручал иранскому правительству принять необходимые меры для восстановления национальных прав на южную нефть (59), что встревожило англичан, опасавшихся за позиции АИНК на юге Ирана. Английский посол утверждал в своем донесении, что «этот пункт может дать право иранцам национализировать нефтяную промышленность» (60). Это было верное предвидение. Уже через год начнется движение за национализацию иранской нефтяной промышленности, которое приведет М. Мосаддыка к премьерскому креслу.

Советское правительство отнеслось к решению меджлиса с крайним раздражением. Фактически это можно было расценить как поражение советской политики. Все рычаги воздействия на иранское правительство в виде азербайджанских автономистов, членов партии Туде в кабинете министров и советских войск на территории Ирана были утрачены, а нефтяное соглашение провалено. Советские СМИ подвергли резкой критике поведение иранских властей, а на границе были проведены маневры советских войск. 20 октября и 1 декабря МИД Ирана получил ноты протеста советского правительства «против вероломного нарушения советско-иранского нефтяного соглашения» (61).

18 марта в Москве на одном из заседаний Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний профессор Е.М. Штейнберг прочитал лекцию о политическом строе Ирана, неоднозначно воспринятую в МИДе СССР. Комментируя аннулирование нефтяного соглашения, Штейнберг сказал: «Этот акт был ярчайшим проявлением враждебности реакционных руководящих кругов Ирана... политика Ирана определяется не национальными интересами, а диктатом иностранного империализма» (62). Лекция Штейнберга вызвала резкую отповедь в иранском меджлисе, что свидетельствует о том, что иранцы через своих корреспондентов и дипломатов внимательно следили за настроениями советской общественности по отношению к событиям в Иране (63).

Действия советской дипломатии вызвали прямо противоположный эффект: в иранской прессе была дана резкая отповедь советским протестам, иранский МИД принципиально придерживался выработанной меджлисом линии. Сам Сталин назвал провал нефтяного соглашения «ошибкой Мининдела». Садчиков получил выговор как «не обеспечивший выполнения Ираном проведения договора через меджлис» (64), но остался на своем посту до 1953 г.

Вопрос о нефти на долгие годы осложнил советско-иранские отношения. «Интерес к иранским нефтяным концессиям, который проявили «Сокони» и «Ройл-

Датч-Шелл», добавили элемент конкуренции на рынке концессий и втянули Советский Союз в соревнование, которое вместе с присутствием советских войск в Иране и советской поддержкой сепаратистскому движению в Азербайджане привело к глубокому кризису советско-иранских отношений» (65), — считает Дж.Х. Бэмберг. Бывший нарком иностранных дел М.М. Литвинов после встречи с новым послом США записал: «Посол... понимает, что... нам нужна нефть и что мы имеем не меньшее права на нефть, чем Англия и США... Мы могли бы получить иранскую нефть, не прибегая к таким сильным средствам, как нарушение договора, вмешательство во внутренние дела...» (66).

Для советского руководства Иран был важен с точки зрения транспортировки грузов ленд-лиза и обеспечения безопасности нефтепромыслов Азербайджана. Однако стимулированный послевоенной разрухой интерес к иранской нефти добавил экономический аспект в советскую политику в Северном Иране. В итоге под влиянием угроз Запада геополитические интересы в этом регионе (азербайджанская автономия и присутствие советских войск) были принесены в жертву экономической выгоде в форме нефтяного сотрудничества. Подобная концепция в целом соотносится с общепринятой трактовкой послевоенной политики СССР. Пользуясь авторитетом страны, победившей фашизм, и колоссальной, хотя и безграничной военной мощью, И. Сталин был склонен к рискованным внешнеполитическим решениям. В аналогичном духе было оказано давление на соседнюю Турцию, возможно, с целью получить контроль над черноморскими проливами.

Некоторое улучшение в советско-иранских отношениях намечилось только через два года, когда новый премьер Ирана генерал Хадж-али Размара в октябре 1950 г. заключил новое торговое соглашение с СССР. Тем временем в Иране уже разворачивалось движение против монополии АИНК. После принятия меджлисом закона о национализации нефти главный вдохновитель борьбы с АИНК премьер М. Мосаддык искал новых импортеров для иранской нефти в условиях блокады Ирана со стороны международного нефтяного картеля. По неподтвержденным данным, эмиссары Мосаддыка обращались к представителям СССР. Однако, ссылаясь на отсутствие у СССР нефтеналивного флота и политические издержки, советское руководство приняло решение отказать Мосаддыку.

26 июня 1956 г. на приеме в честь посетившего СССР иранского шаха Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв сделал следующее заявление: «Нам... не нужна иранская нефть; у нас своей нефти достаточно; пусть те, кому нужна нефть, покупают ее у Ирана. Что касается вопроса о судьбе иранского Азербайджана, то никакое вмешательство здесь недопустимо; это — земля Ирана» (67). Во время этого визита советская сторона окончательно согласилось передать в собственность Ирана свою долю в предприятии «Кевир-Хуриан».

Нефтяной фактор сыграл свою роль в ухудшении советско-иранских отношений. В 40-е гг. советские позиции в Иране обладали колоссальным запасом прочности: это и присутствие советских войск, и азербайджанская автономия, тяготевающая к Москве, и в целом сочувственное отношение иранского населения, симпатизировавшего борьбе советского народа с фашизмом. Стремление СССР

создать нефтяную компанию на севере страны, аналогичную АИНК, для того чтобы окончательно предотвратить попытки западных компаний получить концессии в непосредственной близости от Баку, окончилось провалом и способствовало усилению позиций Запада, особенно США, в этой стране.

Действительно, 6 октября 1947 г. было заключено американо-иранское военное соглашение, предоставлявшее американским военным советникам исключительное право на обучение иранской армии и инспекцию военных объектов. 20 июня в Вашингтоне было подписано соглашение о предоставлении Ирану американского кредита на сумму 25 млн долларов для закупок военного оборудования. Все военные соглашения между Ираном и США были подтверждены в договоре от 23 мая 1950 г. о «взаимной помощи и обороне». Для разработки семилетнего плана развития страны в Иран была приглашена американская компания «Оверсиз консалтс». Со временем Иран стал членом Багдадского пакта и блока СЕНТО, покончив с политикой нейтралитета. Нефтяной и иранский кризисы 1944—1946 гг. стали и первыми эпизодами надвигающейся «холодной войны». Недаром в одной из своих книг иранский шах написал: «Я думаю, в будущем историки скажут, что «холодная война» фактически началась в Иране» (68).

Можно сделать предположение, что «советские претензии» (по выражению иранских исследователей) на североиранскую нефть фактически разбудили силы, боровшиеся за национализацию иранской нефтяной промышленности. Ведь именно закон 2 декабря 1944 г., направленный против советского нефтяного проекта, впервые запретил иранскому правительству вести переговоры о концессиях. А «единая статья» 22 октября 1946 г., аннулировавшая советско-иранское нефтяное соглашение, содержала пункты, требовавшие от правительства расследовать вопрос о нарушениях прав Ирана по использованию южной нефти.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Орлов А.Е. Внешняя политика Ирана после Второй мировой войны. — М., 1975.
- (2) Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана. — М., 1985.
- (3) Егорова Н.И. «Иранский кризис» 1945—1946 гг. по рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. — 1994. — № 3.
- (4) Гасанлы Джамиль. СССР—Иран. Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941—46 гг.). — М., 2006; СССР—Турция. От нейтралитета к холодной войне. 1939—1953. — М., 2008.
- (5) Арабаджян З.А. Давление США на СССР и достижение договоренностей о выводе советских войск из Ирана после Второй мировой войны / В кн. Иран: Ислам и власть. — М.: ИВ РАН, 2001.
- (6) Первыми исследователями советско-иранских отношений во время и после Второй мировой войны стали очевидцы событий: западные дипломаты и разведчики. Это сотрудник посольства США Ричард Фрай (в одной из своих книг — *Lewis V. Thomas & Richard Frye. The United States and Turkey and Iran.* — Harvard, 1952), ставший известным американским иранистом, бывший консул США в Тебризе Роберт Росссоу (статья *Rossow R. The Battle of the Azerbaijan, 1946* // *The «Middle East». Journal.* Winter, 1956), британский консул в Мешхеде Клэрмонт Скрайн (мемуары *Skrine C. World War in Iran.* — London, 1962), пресс-атташе польской миссии Д. Ленчовский (*Lenczowski G. Russia and the West in Iran. 1918—1948.* Ithaca.1949). — York, 1980).

- (7) См.: *Brock Ray. Blood, Oil & Sand.* — Cleveland, 1952.
- (8) *A. Ervand. Iran between Two Revolutions.* — Princeton, 1982; *Katouzian Homa. Musaddiq and the Struggle for power in Iran.* I.B. Tauris UK, 1990; *Fatemi N.S. Oil Diplomacy. Powderkeg in Iran.* — N-Y., 1954; *Faramarz S. Fatemi. The USSR in Iran. The background History of Russian and Anglo-American Conflict in Iran, Its Effect On Iranian Nationalism, and the Fall of the Shah.* — New York.
- (9) *Fatex M. Панджах сале-йе нафт-е Иран.* — Тегеран, 1956; *П. Хасан. Дах кушеш дар рах-е хефз-е-о- баст-е хогу-е Иран дар нафт. 1942—1951.* — Тегеран, 1952.
- (10) До 1936 г. компания именовалась Англо-персидская нефтяная компания — АПНК. После национализации иранской нефти в 1951 г. АИНК стала называться «Бритиш петролеум».
- (11) Пехлеви Р. (Савадкухи) (1878—1944) — основатель династии Пехлеви в Иране. Происходил из семьи мазендаранских землевладельцев. Сделал карьеру в Персидской казачьей бригаде. В результате переворота 1921 г. — военный министр, затем — премьер-министр Ирана. Создатель современной иранской регулярной армии. Отстранив от власти Ахмад-шаха, в 1925 г. провозгласил себя шахом Ирана под псевдонимом Пехлеви. Проводил социально-экономические реформы, направленные на модернизацию страны. В 1941 г. отрекся от престола в результате ввода советских и английских войск в Иран.
- (12) О планах России относительно проведения трансиранского нефтепровода см.: *Ананьич Б.В. Россия и концессия д'Арси // Исторические записки АН СССР.* — 1960. — № 66; *Дудко Т. Пораженческий пролог русской революции // Нефтяные ведомости.* — 2006. — № 19(90).
- (13) *Shwadran B. The Middle East Oil and Great Powers.* — N.Y., 1959.
- (14) См.: *Кочешков А.А. Фактор североиранской нефти в мировой политике // Международная жизнь.* — 2008. — № 7.
- (15) *Bulletin of the American Association of Petroleum Geologists* 28 (July 1944). — P. 919—923. Цит. по: *Ергин Д. Нефтедобыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть.* — М., 1999. — С. 414.
- (16) *Авсенева М. Англо-американская борьба за нефть.* — М., 1954. — С. 57.
- (17) *Гасанлы Дж. Южный Азербайджан: Начало холодной войны.* — Баку, 2003. — С. 55.
- (18) *Skrine C. World War in Iran.* — London, 1962. — P. 227.
- (19) *Ibid.* — P. 208.
- (20) С.И. Кавтарадзе (1885—1971) — профессиональный революционер и советский государственный деятель. Заведующий Среднеазиатским отделом НКВД (1941—1943), заместитель наркома (1943—1945), посол СССР в Румынии (1945—1952).
- (21) АВП РФ. — Ф. 094. — Оп. 30. — П. 346. — Д. 6. — Л. 70.
- (22) *Fatemi Faramarz S. The USSR in Iran. The Background History of Russian and Anglo-American Conflict in Iran, Its Effect On Iranian Nationalism, and the Fall of the Shah.* — New York, 1980. — P. 60—66.
- (23) АВП РФ. — Ф. 094. — Оп. 30. — П. 346. — Д. 6. — Л. 80, 160.
- (24) М. Мосаддык (1882—1967) — видный иранский политический и государственный деятель. Премьер-министр (1951—1953), признанный лидер народного движения за национализацию нефтяной промышленности в Иране.
- (25) Полный текст закона Мосаддыка на английском языке см.: *Fatemi N.S. Oil Diplomacy. Powderkeg in Iran.* — N-Y, 1954. — P. 251.
- (26) См. письмо М. Мосаддыка послу СССР М. Максимова от 22 эсфанда 1323 г. (1944 г.). Намеха-йе доктор М. Мосаддаг. — Тегеран, 1996. — С. 72—74.
- (27) *Lewis V. Thomas & Richard Frye. The United States and Turkey and Iran.* — Harvard, 1952. — P. 235.
- (28) Там же. — С. 78.

- (29) *Byrns J. Speaking Frankly.* — N.Y., 1947. — P. 119. Запись этой беседы в АВП РФ обнаружить не удалось.
- (30) Доклад Совета Безопасности Генеральной Ассамблеи за период времени с 1 января 1946 г. до 15 июля 1946 г. — ООН. — 1946. — С. 3.
- (31) А. Кавам-ос-Салтане (1873—1955) — иранский государственный и политический деятель. Противник династии Пехлеви. Премьер-министр Ирана (1921—1923, 1942—1943, 1946—1947, 1952). Основатель Демократической партии Ирана.
- (32) *Sahebjam F. L'Iran des Pahlavis.* — Paris, 1966. — P. 155.
- (33) АВП РФ. — Ф. 06. — Оп. 8. — П. 36. — Д. 562. — Л. 1. Цит. по: *Егорова Н.И.* «Иранский кризис» 1945—1946 гг. по рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. — 1994. — № 3. — С. 38.
- (34) *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан: начало холодной войны. — Баку, 2003. — С. 240.
- (35) ЦГАППОД. — Ф. 1. — Оп. 89. — Д. 113. — Л. 75—77. Цит. по: *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан: начало холодной войны. — Баку, 2003. — С. 244.
- (36) *Foreign Relations of the United States* (далее — FRUS). — 1946. — Vol. VII. — P. 340.
- (37) *Chace J. Acheson. The Secretary of State Who Created the American World.* — N-Y, 1998. — P. 144.
- (38) *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан. Начало Холодной войны. — М., 2006. — С. 277.
- (39) *The Sinews of Peace by Winston S. Churchill. A Speech at Westminster College. Fulton (Missouri), 5 March 1946.* — Fulton, 1995. Имеются в виду требования советского правительства к Турции установить контроль над Черноморскими проливами.
- (40) FRUS. — 1946. — Vol. VII. — P. 337—338.
- (41) Доклад Совета Безопасности Генеральной Ассамблеи за период времени с 1 января 1946 г. до 15 июля 1946 г. — ООН. — 1946. — С. 19.
- (42) См.: *Пирния Хасан.* Дах сал-е кушеш дар рах-е хефз ва баст-е хогуг-е иран дар нафт. 1942—1952. — Тегеран, 1952. — С. 19—23.
- (43) См.: «Известия» № 121 (9037) от 24 мая 1946 г.
- (44) АВП РФ. — Ф. 94. — Оп. 37. — П. 102. — Д. 39. — Л. 8.
- (45) *Trumen H.S. Trumen Speaks.* — New York, 1960. — P. 71.
- (46) *Kissinger H. Diplomacy.* — New York, 1994. — P. 446, 495.
- (47) См. Джомхурихае-йе комунисти-е табриз ва махабад. Марказ-е аснад-е энгелаб-е эслами // www.irdc.ir
- (48) *James B. The Eagle and the Lion. The Tragedy of American-Iranian Relations.* — New Haven and London, 1988. — P. 38.
- (49) *Печатнов В.О.* От союза — к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945—1947 гг. — М., 1997. — С. 154.
- (50) *The Ambassador in Iran (Allen) to the Secretary of State. 25.08—6.09.1946.* — FRUS. — 1946. — Vol. VII. — P. 512—514.
- (51) Архив МНБ АР. — Д. 286. — Л. 197—201. Цит. по: *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан: начало холодной войны. — Баку, 2003. — С. 296.
- (52) ЦГАППОД АР. — Ф. 1. — Оп. 89. — Д. 163. — Л. 39. Цит. по: *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан: начало холодной войны. — Баку, 2003. — С. 423.
- (53) Сын Норманна Шварцкопфа командовал американскими войсками во время операции «Буря в пустыне» в 1991 г.
- (54) *Rossow R. The Battle of the Azerbaijan, 1946 // The «Middle East». Journal.* — Winter, 1956. — P. 29.
- (55) *Fatemi N.S. Oil Diplomacy. Powderkeg in Iran.* — N-Y, 1954. — P. 322.
- (56) *Гасанлы Дж.* Южный Азербайджан. Начало Холодной войны. — М., 2006. — С. 436.
- (57) АВП РФ. — Ф. 54. — Оп. 10. — П. 230. — Д. 270. — С. 83.
- (58) FRUS. — Vol. V. — Wash., 1965. — P. 972—973.

- (59) Цит. по: *Shwadrان B. The Middle East, Oil and the Great Powers.* — New-York, 1959. — P. 80—1.
- (60) PRO FO 371/61974. — *Pumen minute*, 25 October 1947. Цит. по: *Bamberg J.H. The History of the British Petroleum Company.* — Vol. 2. *The Anglo-Iranian Years.* — Cambridge, 1994. — P. 257.
- (61) АВП РФ. — Ф. 94. — Оп. 37. — П. 102. — Д. 39. — Л. 36.
- (62) АВП РФ. — Ф. 94. — Оп. 37. — П. 102. — Д. 41. — Л. 27.
- (63) См. выступление министра иностранных дел Ирана в меджлисе. — АВП РФ. — Ф. 56. — Оп. 14. — П. 312. — Д. 205. — Л. 230.
- (64) АВП РФ. — Ф. 45. — Оп. 1. — Д. 101. — Л. 61, 78. Цит. по: *Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2: 1917—2002 гг.* — М., 2002. — С. 335.
- (65) *Bamberg J.H. The History of the British Petroleum Company. Vol. 2: The Anglo-Iranian Years.* — Cambridge, 1994. — P. 257.
- (66) *Печатнов В.О. От Союза к Холодной войне. Советско-американские отношения в 1945—1947 гг.* — М., 2006. — С. 141.
- (67) *Воронин А.Л. К вопросу об исламе и его роли в политике // Дипломаты сообщают. Мир глазами дипломатической службы.* — М., 1997. — С. 483.
- (68) *Пахлави М.Р. Ма'амурият бара-йе ватанам.* — Тегран, 1961. — С. 151.

OIL AND THE DETERIORATION OF SOVIET-IRANIAN RELATIONS IN THE EARLY PHASES OF THE COLD WAR: 1940—1950

A.A. Kocheshkov

Middle eastern history chair
Institute of Asian and African studies
Moscow state university
Mokhovaya str., 11, Moscow, Russia, 125009

The article deals with the question of the deterioration of Soviet-Iranian relations, the role Iranian oil played in this trend in the beginning of the «cold war» and US involvement in Iran. The author contends that Soviet claims to oil concessions in Northern Iran triggered the movement for the nationalization of the oil industry led by M. Mosaddegh.

Key words: «Cold war», Soviet-Iranian relations, M. Mosaddegh, Oil industry, Iran.